

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ

DOI: 10.17805/zpu.2015.4.9

Коллективные права этнических общностей: к проблеме правосубъектности в этнонациональной политике

И. С. ТАРБАСТАЕВА

(Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск)

Статья посвящена проблеме коллективной этнической правосубъектности в контексте современной этнонациональной политики России. Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 г., принятая в 2012 г., провозглашая обеспечение этнокультурного многообразия в стране, не предполагает правовую защиту его конкретных носителей — этнических общностей. Цель статьи — актуализировать важность правовой защиты этнических общностей в виде развития института коллективных прав.

Этнокультурное многообразие в ряде официальных документов признается настоящим богатством страны. При этом понятие недостаточно эксплицировано и в научном, и в правовом плане. Не ясно, кто ответственен за его сохранение и развитие. Автор утверждает, что логично обеспечить приумножение этнокультурного многообразия через поддержку именно этнических общностей как целостных системных образований. Это предполагает придание им статуса субъектов права, позволит защитить условия (природно-географические, социально-экономические и др.), которые способствуют их самосохранению, развитию, следовательно, и воспроизводству этнокультурного многообразия.

В статье показано, что идея коллективной этнической правосубъектности различными исследователями воспринимается далеко не однозначно. Дискуссии между сторонниками и противниками коллективных прав ведутся по самым разным основаниям. Наиболее спорные вопросы: может ли общность выступать как единое целое; может ли она нести юридическую ответственность; как соотносятся индивидуальные и коллективные права? Аргументы автора в защиту этнической коллективной правосубъектности: этническая общность как целое обладает таким системным свойством, как этническая культура, которая функционирует только в пределах группы и не репрезентируется в полном объеме в конкретном человеке; отсутствие деликтоспособности этнической общности не может являться основанием для отказа в ее правах; признание изначальной коллективной составляющей в индивиде снимает противоречие между индивидуальными и коллективными правами.

Ключевые слова: коллективные права; индивидуальные права; этнические общности; этнонациональная политика; этнокультурное многообразие

ВВЕДЕНИЕ

Правовая защита этнических общностей как крупных трансляторов этничности в России — весьма актуальная задача, решение которой формируется двумя разными государственными установками в области национальной политики. С одной стороны, взят курс на формирование новой надэтнической идентичности — россий-

ской нации (при которой возможно снижение значимости этнической составляющей), с другой стороны, в Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г. от 19 декабря 2012 г. (далее — Стратегия) провозглашена задача сохранения и развития этнокультурного многообразия народов, но отсутствует механизм по ее реализации (см.: Указ Президента ... , 2012: Электронный ресурс). Так, по результатам глубокого анализа методологических оснований данного документа Ю. В. Попков делает вывод о том, что в нем «отсутствуют четкое осмысление и должная проработка механизма обеспечения взаимосвязи, с одной стороны, общероссийского гражданского самосознания и основанного на нем национального единства, с другой — этнокультурного многообразия» (см.: Попков, 2015: 40). Осложняет ситуацию тот факт, что этнические общности в Стратегии государственной национальной политики рассматриваются не в качестве активно действующих субъектов, а лишь как объекты политики в отличие от прежней Концепции государственной национальной политики 1996 г. (см.: Попков, Тюгашев, 2013: Электронный ресурс).

Ряд исследователей предлагают в этом случае развивать институт коллективных прав, который в российском законодательстве в настоящее время представлен только в виде провозглашенных прав коренных малочисленных народов. Обоснованием его значимости занимаются такие ученые, как М. В. Напсо, Е. В. Регеда, Л. Р. Назимова, В. А. Кряжков и др. В то же время его практическое применение вызывает затруднения, в связи с чем ряд авторов отрицают коллективные права в принципе (В. Р. Филиппов, С. В. Чешко, А. Г. Осипов, М. А. Южанин и др.). В настоящей статье анализируются главные аргументы обеих сторон, а также делается попытка обосновать важность коллективных этнических прав как одного из механизмов реализации этнонациональной политики.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ

КАК ЗАДАЧА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

В настоящее время официальным понятием, отражающим политику протекционизма государства над этничностью, является понятие «этнокультурное многообразие народов». Помимо Стратегии о нем заявляется также в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (2014–2020), где оно признается важной ценностью, «конкурентным преимуществом, неотъемлемой частью мирового духовного наследия, необходимым элементом ее (России. — *И. Т.*) международного имиджа» (Федеральная целевая программа ... , 2013: Электронный ресурс). Вместе с тем в собственно законодательной базе понятие «этнокультурное многообразие» не раскрывается: ни в одном из законов нет определения этого термина. В целом это понятие в настоящий момент недостаточно эксплицировано и в академическом, и в законодательном плане.

На первый взгляд установка на приумножение этнокультурного многообразия представляется очевидной и необходимой. В то же время эта тема таит глубокие научные проблемы. При более внимательном изучении главного стратегического документа в области национальной политики, как справедливо отмечает Ю. В. Попков, можно увидеть, что главный акцент сделан на межэтнических отношениях, а этнокультурное многообразие во многих случаях остается просто фоном. В Стратегии не ведется речь об этнической структуре государства, совершенно не актуализирована задача проведения мониторинга социального самочувствия представителей разных этнических групп и этнокультурного развития в целом (Попков, 2015). Кроме того, если,

например, биоразнообразие стоит на четком государственном контроле, то ответственные за этнокультурное многообразие отсутствуют.

Такая пассивная позиция государства в отношении этнокультурного многообразия может показаться рациональной, поскольку в исторически сложившихся российских условиях, когда в государстве, по официальным данным, проживают представители более 193 национальностей, обеспечение этнокультурного многообразия не представляется сложной задачей. Проиллюстрируем данный тезис на примере. Допустим, на территории субъекта N десять лет назад было зарегистрировано проживание представителей восьмидесяти этнических общностей, затем их количество сократилось до тридцати. Тем не менее даже наличие представителей тридцати этнических групп вместо восьмидесяти значительно обогащает локальное сообщество в этнокультурном плане, а следовательно, задачу соответствующей политики на региональном уровне в области этнокультурного многообразия по факту можно считать реализованной.

Кроме того, вливание миграционных потоков в отмечаемый кризис этнической идентичности некоторых народов (например, финно-угорских) или кризис демографический (например, хакасов) дает основание прогнозировать, что в ближайшее время уменьшения многообразия не ожидается. Таким образом, признавая безусловную значимость и важность этой государственной установки, все же следует отметить ее безошибочность.

По сути дела, в современном общественном дискурсе делается акцент на этнокультурным многообразии как ценности в целом и нивелируется внимание к его отдельным составляющим — этническим общностям. Тема ценности конкретных этносов, составляющих многообразие, как бы отходит на второй план, уступая в приоритете общему разнообразному культурному фону. Эта позиция смещает внимание государственной политики с элементов (конкретных общностей) системы на саму систему (этнокультурное многообразие). На языке индивидуальных прав такую ситуацию можно образно выразить в тезисе: «Нам не важна жизнь каждого, нам важно, чтобы были разные люди».

Как представляется, предпосылки такой позиции в российском правовом и интеллектуальном поле коренятся в усиливающихся конструктивистских воззрениях. А именно в отрицании этносов как реально существующих общностей и признании этничности как сознательно сконструированного образования. Еще в 1992 г. известный этнолог В. А. Тишков, имеющий достаточный авторитет в политических структурах, в своей критике этноса говорил, что «в действительности же <...> есть некое *культурное многообразие*, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры» (курсив наш. — И. Т.) (Тишков, 1992: 7–8). Вероятно, данная установка способствовала тому, чтобы понятие «многообразие» применительно к культуре прочно утвердилось в официальной терминологии в области этнонациональной политики, в частности как одна из ее целей — «сохранение и развитие этнокультурного многообразия».

Вместе с тем нынешний акцент на защиту собственно многообразия вместо поддержки его конкретных носителей — этнических общностей видится не вполне правомерным. Несмотря на то что многообразие априори будет присутствовать в российской действительности, степень социального самочувствия представителей разных этнических групп может значительно варьироваться вплоть до нарастания конфликтного потенциала. Позитивное же функционирование этнического в социуме су-

щественно зависит от статуса самых крупных трансляторов этничности — общностей, т. е. целостных системных образований (с присущими им системными свойствами), способных выступать в качестве субъекта социального взаимодействия (Попков, 2000: 35). Обеспечение необходимой среды, при которой они могли бы в достаточной степени поддерживать свою уникальность, — одна из ключевых государственных задач. Поэтому более продуктивным представляется подход, близкий к традиционным отечественным взглядам: *сохранять и развивать этнические общности как носителей этнокультурного многообразия*. Это имплицитно предполагает повышение их правового статуса, что влечет за собой возможность наделения правосубъектностью, которая реализуется при помощи института коллективных прав. В этом случае право служит легальным способом защиты этнических общностей и создания достаточных условий для их существования.

Реализация этого подхода предполагает реификацию (овеществление) субъекта права в виде этнической общности. Признание того очевидного факта, что право без субъекта существовать не может (Коркунов, 2004: 57–58), предполагает смещение акцента государственной политики с фактического этнокультурного многообразия на конкретных его носителей. Придание статуса субъекта права именно общностям во времена доминирования супериндивидуальных прав особенно актуально, поскольку этническая культура как системное свойство общности не может функционировать в рамках одного индивида (см. подробнее: Тарбастаева, 2014). Конкретный индивид определяет свою этническую идентичность, исходя из принадлежности к той или иной общности. Более того, индивид, являясь носителем отдельных сторон культуры, не может быть репрезентативен относительно всей этнической культуры. В одном пространственно-временном отрезке этнокультура представлена большим количеством планов бытия, и конкретный человек — лишь одномерный срез в этом культурном многообразии. Поэтому если признавать носителем этнических прав исключительно индивида, то это существенно сужает сферу действия права и выводит из-под ее влияния области, значимые для функционирования этнического как целого.

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ПРАВА ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ: «ЗА» И «ПРОТИВ»

Вместе с тем идеи коллективной правосубъектности в академических кругах встречают острое сопротивление. Неприятие этой идеи, с одной стороны, можно объяснить страхом этатизации этничности в ее негативных сценариях, часть из которых, к сожалению, реализовались после распада Советского Союза («парад суверенитетов» и др.). С другой стороны, существенную роль здесь играет стремление интеллектуальных кругов ориентироваться на западную социальную науку в лице П. Бурдьё, Р. Брубейкера, Ф. Барта и других, в том числе на предложенную ими западную модель этничности, которая принципиально отличается от отечественной. На наш взгляд, позицию оппонентов можно свести к трем моментам: 1) отрицание качественного своеобразия этнической общности как целого, видение в ней лишь совокупности различных индивидов, объединенных по этническому признаку (Осипов, 2002); 2) отказ в правосубъектности на основании отсутствия ее деликтоспособности¹ (Южанин, 2012); 3) утверждение антогонистичности этнической правосубъектности правам человека (Филиппов, 2003).

Данным представлениям можно противопоставить ряд аргументов. Во-первых, представляется правомерным отказ от редукционизма в пользу методологического принципа, согласно которому «целое больше его частей», т. е. целое обладает качест-

венно новыми системными свойствами и способно к правосубъектности (Щепаньский, 1969: 126; Регеда, 2009: 50). Системными свойствами обладает этническая культура, функционирующая только в пределах группы и не репрезентирующаяся в полном объеме в конкретном человеке. Кроме того, этническая общность — одна из разновидностей социальных общностей: отрицая системные свойства у нее, тем самым отрицается существование данного типа социальных общностей как целостностей в принципе. Во-вторых, отсутствие деликтоспособности этнической общности не может являться основанием для отказа в ее правах. Примером подобного рода из обыденной жизни является младенец, который, родившись на свет, уже имеет права, но еще не способен нести ответственность. На наш взгляд, юриспруденции целесообразно разработать специальный механизм правосубъектности, учитывающий специфику данного типа социальной общности. В-третьих, проблема соотношения коллективных и индивидуальных прав отчасти вызвана широкой популярностью современной концепции прав человека. Это, по сути, новая концепция прав человека, неаутентичная классической версии Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и других мыслителей эпохи буржуазных революций, в настоящее время является мировым трендом и считается идеалом (Толстых, 2013: 95). В ее трактовке индивид представлен как независимая единица бытия, требующая покровительства своего личного пространства не только у государства, но и международного сообщества. Здесь уместно привести цитату немецкого ученого-правоведа Г. Радбруха: «Индивид с точки зрения индивидуалистических воззрений <...> “изолированное существо”, которое не связано с другими подобными существами никакими иными связями, кроме как правом. Задачей права как социального феномена <...> является, парадоксальным образом, разрушение социального, то есть разрыв всех связей между людьми с целью создать общность неподвижно стоящих рядом друг с другом свободных индивидов» (Радбрух, 2004: 76). Такой подход представляется не совсем адекватным действительности. Даже в рамках либеральной доктрины, которая, несмотря на свою выраженную индивидуалистическую позицию, все же содержит авторитетные теории, доказывающие значимость коллективных прав. Это известные идеи Ч. Тэйлора («политика признания», см.: Taylor, 1994), У. Кимлика («политика групповых прав», см.: Kymlicka, 1995) и др.

Позиция супериндивидуализированных прав человека в каком-то смысле блокирует развитие коллективных прав. При этом односторонняя презентация индивида в правовых отношениях не совсем адекватна действительности, поскольку каждый индивид всегда связан с другими. В реальной жизни он не руководствуется соображениями исключительного личного плана; практически всегда в арсенале его размышлений присутствуют «другие». «В действительности люди не представляются обособленными, независимыми друг от друга, самодовлеющими, — пишет выдающийся философ права Н. М. Коркунов. — Осуществление наших интересов невозможно вне отношений к другим людям. Да и самые интересы <...> складываются под влиянием <...> общественных условий, и потому значительная их доля имеет не индивидуальный, а социальный, общий характер» (Коркунов, 2004: 57–58). Признание изначальной коллективности личности снимает противоречие между этими видами прав: не только личные, но и коллективные права могут выступать на стороне индивидуальности.

Одной из фундаментальных основ позиции, отрицающей этническую правосубъектность, является тезис об отсутствии этнической субстанции, а следовательно — нереальности этнических общностей как таковых. С. В. Чешко пишет: «...все перечисленные атрибуты этноса <...> представляют собой самостоятельные социальные

явления. “Сложить” же их и получить в результате самостоятельное “этническое” явление не получается» (Чешко, 1994: 38). Дело в том, что существующие дефиниции этноса, этнической общности только перечисляют характеристики, свойственные этим явлениям, но не «схватывают» именно само этническое. Отсюда многочисленные выводы о его эфемерности, иррациональности. В правовом смысле это означает отсутствие субъекта права.

Действительно, проблема этнической субстанции в науке не решена до сих пор. На методологические ограничения теории этноса указывали и сами авторы, принадлежащие к разным направлениям примордиализма, — Л. Н. Гумилев (социобиологического), Ю. В. Бромлей (бинарного). Сложность поставленной задачи обусловлена онтологией социальной реальности в принципе и требует выхода на более высокий уровень теоретико-методологической абстракции. Поэтому вполне справедливо ряд исследователей полагают, что в этой ситуации проблема сущности должна быть представлена как проблема социальной философии, поскольку корректно решить ее в рамках этнологии невозможно (Гудыма, 2005; Рыбаков, 2001: 9).

Несмотря на открытый вопрос о том, что такое этничность, общество и наука по-разному, но регистрируют факт реального существования этнических общностей. Достаточно сказать, что, исходя из этого, формируются государственно-территориальное устройство, политика, бюджет, законодательная база. Наблюдается парадокс: несмотря на то что в академической среде идет поиск ответа на вопрос, что же собственно представляет собой «этничность», присутствие этого явления в социуме достаточно активно и значимо. Например, трудно найти «тувинистость» как «этничность», но странно отрицать, что есть тувинцы как общность. Излишняя релятивизация, сводящая этничность в разряд теоретической конструкции, представляется необоснованной. В том числе и с точки зрения теории. Тот же Ф. Барт считал такое свойство этнических групп, как устойчивость, центральной темой в своем творчестве (Барт, 2006).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно заключить, что основной трудностью в обосновании этнической правосубъектности является, с одной стороны, отсутствие проработанных концепций, где этнические общности представлены как субъекты права, с другой стороны — недостаточная проясненность в науке и на практике соотношения коллективных и индивидуальных прав. Методологическая позиция, отрицающая наличие реальных этнических общностей, отразилась в Стратегии, где фиксируется установка на защиту этнокультурного многообразия, которое априори всегда будет присутствовать в российской действительности, но не подчеркивается значимость отдельной конкретной этнической общности как главного транслятора культуры. Другими словами: «Нам не важна жизнь каждого, нам важно, чтобы были разные люди». Так, современная этнонациональная политика, строго говоря, превращается в бессубъектную. В настоящее время этнические общности оказываются лишенными полноценной правовой защиты, с помощью которой можно обеспечить благоприятные условия, необходимые для воспроизводства их этнической уникальности.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под деликтоспособностью понимается способность лица нести юридическую ответственность за свои действия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Барт, Ф. (2006) Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий : сб. ст. / под ред. Ф. Барта ; пер. с англ. И. Пильщикова. М. : Новое издательство. 200 с. С. 9–48.
- Гудыма, А. П. (2005) Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск. 36 с.
- Коркунов, Н. М. (2004) Лекции по общей теории права. 2-е изд. СПб. : Юридический центр Пресс. 430 с.
- Осипов, А. Г. (2002) Являются ли групповые права необходимым условием недискриминации и защиты меньшинств? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова, В. А. Тишкова. М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН. 356 с. С. 80–100.
- Попков, Ю. В. (2000) Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск : Изд-во ИДМИ. 200 с.
- Попков, Ю. В. (2015) Национальная политика в России: целевые установки и региональные модели // Социологические исследования. № 4. С. 39–44.
- Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2013) Целевые ориентиры региональных моделей государственной национальной политики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. № 2 (18). С. 10–18. URL: http://tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html [архивировано в WebCite] (дата обращения: 19.05.2015).
- Радбрух, Г. (2004) Философия права : пер. с нем. М. : Международные отношения. 240 с.
- Регада, Е. В. (2009) К вопросу о правовой сущности института коллективных прав // Бизнес в законе. № 1. С. 48–50.
- Рыбаков, С. Е. (2001) Нация и национализм. М. : Старый сад. 106 с.
- Тарбастаева, И. С. (2014) К вопросу о правах этнических общностей // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Ин-т философии и права СО РАН. Вып. 10. 231 с. С. 60–63.
- Тишков, В. А. (1992) Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. № 1. С. 5–20.
- Толстых, В. Л. (2013) Интернационализация и юридизация прав человека // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Т. 9. Вып. 1. С. 90–95.
- Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (2012) [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 19.05.2015).
- Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» (2013) [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 19.05.2015).
- Чешко, С. В. (1994) Человек и этничность // Этнографическое обозрение. № 6. С. 35–49.
- Филиппов, В. Р. (2003) Критика этнического федерализма. М. : Центр цивилизационных и региональных исследований РАН. 379 с.
- Щепаньский, Я. (1969) Элементарные понятия социологии. М. : Прогресс. 240 с.
- Южанин, М. А. (2012) Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти. № 1. С. 202–211.
- Kymlicka, W. (1995) Multicultural citizenship: A liberal theory of minority rights. Oxford : Clarendon Press ; N. Y. : Oxford University Press. 280 p.
- Taylor, Ch. (1994) Multiculturalism: Examining the politics of recognition / with commentary by K. A. Appiah, J. Habermas, S. C. Rockefeller, M. Walzer, S. Wolf ; ed. and introd. by A. Gutmann. Princeton, NJ : Princeton University Press. 175 p.

COLLECTIVE RIGHTS OF ETHNIC COMMUNITIES: ON THE ISSUE
OF LEGAL CAPACITY IN ETHNO-NATIONAL POLICY

I. S. TARBASTAEVA

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY AND LAW, SIBERIAN BRANCH,
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, NOVOSIBIRSK)

The article deals with the legal capacity of collective ethnic entities in the context of contemporary ethno-national policy in Russia. The federal Strategy of the state nationality policy for the period up to 2025, adopted in 2012, while declaring the support for ethnic and cultural diversity, does not provide legal protection to ethnic communities as its direct subjects. In this article, we aim to explore the importance that legal protection of ethnic communities can attain by developing the institute of collective rights.

A number of official documents recognize ethnic and cultural diversity as national treasure. At the same time, this notion has not been sufficiently explained by lawyers or scholars. It is unclear who is responsible for its preservation and development. We argue that it would be logical to achieve guaranteed proliferation of ethnic and cultural diversity by supporting ethnic communities as integral systemic phenomena. Endowing them with the status of legal subjects will help protect their geographic and socio-economic environment, thus contributing to self-preservation and development of these communities and consequently, to the reproduction of ethnic and cultural diversity.

As we show in the article, scholars do not have a common stand on the notion of collective ethnic legal entity. Supporters and opponents of collective rights debate it on a whole range of aspects. The most controversial issues include whether the community can act as a single unit, whether it can be held legally responsible and how individual and collective rights are balanced within the community. We provide the following arguments in defense of our view of the collective ethnic legal entity: an ethnic community as a whole has the systemic feature of ethnic culture, which only functions within the group and is never fully represented by a particular person; although an ethnic group can never be delictual, this is no reason to deny them their rights; and finally, recognition of the inherent collective aspect within an individual removes the contradiction between individual and collective rights.

Keywords: collective rights; individual rights; ethnic communities; ethno-national policy; ethnic and cultural diversity

REFERENCES

Barth, F. (2006) Vvedenie [Introduction]. In: Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naiia organizatsiia kul'turnykh razlichii [Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference]: A collection of articles / ed. by F. Barth. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ. 200 p. Pp. 9–48. (In Russ.).

Gudyma, A. P. (2005) Razvitie korennykh malochislennykh narodov Severa: osnovaniia sotsial'no-filosofskogo analiza [The development of the indigenous peoples of the North: Basics of social and philosophical analysis]: Abstract of the diss. ... Doctor of Philosophy. Novosibirsk. 36 p. (In Russ.).

Korkunov, N. M. (2004) Leksii po obshchei teorii prava [Lectures on the general theory of law]. 2nd edn. St. Petersburg, Iuridicheskii tsentr Press. 430 p. (In Russ.).

Osipov, A. G. (2002) Iavliaiutsia li gruppye prava neobkhdimym uslovie nediskriminatsii i zashchity men'shinstv? [Are group rights a pre-condition for non-discrimination and protection of minorities?]. In: Mul'tikul'turalizm i transformatsiia postsovetkikh obshchestv [Multiculturalism and transformation of post-Soviet communities] / ed. by V. S. Malakhov and V. A. Tishkov. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. 356 p. Pp. 80–100. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2000) Internatsionalizatsiia v traditsionnom i sovremennom obshchestvakh [In-ternationalization in traditional and modern societies]. Novosibirsk, IDMI Publ. 200 p. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. (2015) Natsional'naiia politika v Rossii: tselevye ustanovki i regional'nye modeli [Nationality policy in Russia: Target objectives and regional models]. Sotsiologicheskie issledovaniia, no. 4, pp. 39–44. (In Russ.).

Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2013) Tselevye orientiry regional'nykh modelei gosudarstvennoi natsional'noi politiki [Target objectives of regional models of the federal nationality policy]. *Novye issledovaniia Tuvy*, no. 2 (18), pp. 10–18. [online] Available at: http://tuva.asia/journal/issue_18/6269-popkov-tyugashev.html [archived in WebCite] (accessed 19.05.2015). (In Russ.).

Radbruch, G. (2004) *Filosofiiia prava* [Philosophy of law]: transl. from German. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. 240 p. (In Russ.).

Regeda, E. V. (2009) K voprosu o pravovoi sushchnosti instituta kollektivnykh prav [On the question of the legal nature of the institute of collective rights]. *Biznes v zakone*, no. 1, pp. 48–50. (In Russ.).

Rybakov, S. E. (2001) *Natsiia i natsionalizm* [Nation and nationalism]. Moscow, Staryi sad Publ. 106 p. (In Russ.).

Tarbastaeva, I. S. (2014) K voprosu o pravakh etnicheskikh obshchnosti [On the issue of the rights of ethnic communities]. In: *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri* [Ethnosocial processes in Siberia]/ ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, RAS. Issue 10. 231 p. Pp. 60–63. (In Russ.).

Tishkov, V. A. (1992) *Sovetskaia etnografiia: preodolenie krizisa* [Soviet ethnography: Overcoming the crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–20. (In Russ.).

Tolstykh, V. L. (2013) *Internatsionalizatsiia i iuridizatsiia prav cheloveka* [Internationalization and legalification of human rights]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Pravo*, vol. 9, issue 1, pp. 90–95. (In Russ.).

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 19.12.2012 g. № 1666 «O Strategii gosudarstvennoi natsional'noi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda» [Presidential Decree of December 19, 2012 No. 1666 “On the Strategy of the State Nationality Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025”]. (2012) *Prezident Rossii. Ofitsial'nyi sait* [online] Available at: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> [archived in WebCite] (accessed 19.05.2015). (In Russ.).

Federal'naia tselevaia programma «Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody)» [Federal target program “Strengthening the Unity of the Russian Nation and the Ethnic and Cultural Development of the Peoples of Russia (2014–2020)”]. (2013) *Pravitel'stvo Rossii* [online] Available at: <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf> [archived in WebCite] (accessed 19.05.2015). (In Russ.).

Cheshko, S. V. (1994) *Chelovek i etnichnost'* [The man and ethnicity]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 35–49. (In Russ.).

Filippov, V. R. (2003) *Kritika etnicheskogo federalizma* [A critique of ethnic federalism]. Moscow, Center for Civilization and Regional Studies, RAS. 379 p. (In Russ.).

Szczepan'ski, J. (1969) *Elementarnye poniatiia sotsiologii* [Basic concepts of sociology]. Moscow, Progress Publ. 240 p. (In Russ.).

Iuzhanin, M. A. (2012) *Sotsial'no-pravovaia kontseptsiiia «kollektivnykh prav» etnosov* [The socio-legal conception of “collective rights” of ethnic groups]. *Sotsiologiia vlasti*, no. 1, pp. 202–211. (In Russ.).

Kymlicka, W. (1995) *Multicultural citizenship: A liberal theory of minority rights*. Oxford, Clarendon Press; New York, Oxford University Press. vii, 280 p.

Taylor, Ch. (1994) *Multiculturalism: Examining the politics of recognition* / with commentary by K. A. Appiah, J. Habermas, S. C. Rockefeller, M. Walzer and S. Wolf; ed. and introd. by A. Gutmann. Princeton, NJ, Princeton University Press. 175 p.

Submission date: 17.06.2015.

Тарбастаева Инна Семеновна — аспирант, младший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Адрес: 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел.: +7 (383) 330-22-40. Эл. адрес: inna-tarbastaeva@yandex.ru. Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. Ю. В. Попков.

Tarbastaeva Inna Semenovna, Postgraduate student, Junior Research Fellow, Sector of Ethno-social Research, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 8 Nikolayeva St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation. Tel.: +7 (383) 330-22-40. E-mail: inna-tarbastaeva@yandex.ru. Research advisor: Doctor of Philosophy, Professor Yu. V. Popkov.